

ЧИНГИЗ
АБДУЛЛАЕВ
ЗАКАТ
В ЛИССАБОНЕ

Дронго

Чингиз Абдуллаев

Трибунал над Валенсией

«PEN-клуб»

2003

Абдуллаев Ч. А.

Трибунал над Валенсией / Ч. А. Абдуллаев — «PEN-клуб»,
2003 — (Дронго)

Компания крупных российских бизнесменов, прибывших - кто с женами, кто с подругами - отдохнуть в роскошный испанский отель, решила со скуки разыграть шуточный «трибунал», в котором мужчины выступают обвиняемыми, а женщины - судьями... Но шутка закончилась - трагедией. В ту же ночь «главного обвиняемого» грабят, а его любовница гибнет при загадочных обстоятельствах. Специальный агент Дронго, поневоле вынужденный принять участие в расследовании, почти сразу понимает: оба преступления совершил кто-то из «веселой компании». Но - кто? Ведь совершенно у всех подозреваемых, как оказалось, были серьезные мотивы и для ограбления, и для убийства...

© Абдуллаев Ч. А., 2003

© PEN-клуб, 2003

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	10
Глава третья	15
Глава четвертая	21
Глава пятая	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Чингиз Абдуллаев

Трибунал над Валенсией

Мы осознаем, что смерть неизбежна, и все равно ставим перед собой иллюзорные цели, стараясь выдуть мыльный пузырь как можно больше, хотя отлично понимаем, что он лопнет...

Существует только одна основная ошибка, зарождающаяся всегда при нашем рождении, – это убеждение, будто мы рождены для счастья.

А. Шопенгауэр

Глава первая

Один раз в год он приезжал в Испанию, чтобы увидеть Ингрид. С тех пор как молодая женщина попала в больницу, Дронго считал своим долгом хотя бы иногда ее навещать. Она сидела безучастно, никак не реагируя на его присутствие. Врачи считали положение Ингрид безнадежным, но Дронго продолжал приезжать, словно пытался таким образом искупить часть своей вины. Несколько лет назад, когда в Севилье произошли подряд два таинственных убийства, он принимал участие в их расследовании и нашел преступника – несчастную женщину, глубоко пережившую в детстве смерть своего отца. Это оказалась красивая, несколько истеричная и глубоко чувствующая особа, что парадоксальным образом уживалось с ее психическими отклонениями. А может, наоборот, они-то и определяли ее сущность? Смерть отца, погибшего вместе с любовницей, была таким сильным потрясением в ее жизни, что вызвала у нее поистине сумасшедшую ненависть ко всем молодым женщинам, встречающимся с женатыми мужчинами. Дронго часто вспоминал эту историю как напоминание, что истоки иных преступлений следует искать в сильнейших переживаниях детства.

Отправляясь из Севильи в Италию к Джил, он решил проехать по побережью Испании и Франции, чтобы не лететь самолетом. Дронго вообще не любил летать, предпочитая наземное передвижение. Поэтому и на сей раз он взял билет на поезд от Малаги до Валенсии, чтобы затем проехать до Барселоны, а уж оттуда через Марсель, Ниццу, Геную – в Рим.

А заодно на два дня заказал себе номер в Валенсии, решив немного отдохнуть перед предстоящим путешествием. В отделе заказов ему любезно предложили лучший отель Валенсии – недавно построенный «Медиа Палас», находящийся в нескольких метрах от Дворца музыки, в новом квартале города. Но, решив, что там будет слишком шумно, Дронго выбрал другое место – отель «Сиди Салер», о котором много слышал. Отель находился в десяти километрах от Валенсии у поселка Эл-Салер. Надеясь провести пару дней в спокойствии и тишине, Дронго и подумать не мог, что вместо этого попадет в историю, которая станет легендой на побережье Коста-Валенсианы.

Поезд привез его на один из самых красивых вокзалов Испании – Северный вокзал Валенсии. Там Дронго взял такси, попросив отвезти его в Эл-Салер. Почему-то он считал, что десять километров – это довольно далеко, однако уже минут через десять они подъехали к отелю, расположенному на самом берегу. Дронго расплатился с водителем и вошел в здание. Отель был спроектирован в традиционном средиземноморском стиле с просторными холлами, балконами, обращенными к морю, и роскошным садом, находящимся прямо в холле, за стойкой портье. Его быстро оформили и любезно поднесли чемодан в одноместный номер пятьсот сорок семь. На столике в своей комнате он нашел карточку с просьбой не являться в ресторан «Дюна» на ужин в шортах и майке, а также не пользоваться там мобильным телефоном.

Приняв душ, Дронго вышел на балкон. До моря оказалось совсем недалеко – от отеля всего шагов сто или сто пятьдесят. Но прямо внизу у здания сверкал небольшой бассейн для тех из приехавших гостей, кто не любит купаться в открытом море. На берег с территории отеля можно было пройти через небольшие ворота, откуда дорожка вела прямо на пляж. Было уже около шести часов вечера, но там все еще оставалось полно отдыхающих.

– Перестань меня доканивать, – неожиданно услышал Дронго фразу на русском языке и невольно оглянулся.

Сказавший ее мужчина стоял на соседнем балконе за небольшой железобетонной перегородкой.

– Это ты меня постоянно ругаешь, – ответил раздраженный женский голос. – Тебя послушать, так во всем виновата только я одна.

– Отцепись от меня! – Мужчина был явно не в себе. – Я тебе объяснил, что ничего от тебя не хочу. Только заткнись и не приставай ко мне.

– Теперь ты хочешь, чтобы я заткнулась. Всю дорогу ты вел себя безобразно, все время пил, не обращал на меня никакого внимания, а теперь требуешь, чтобы я заткнулась?

– Ты меня уже достала своими разговорами, Лена. Больше мы с тобой никуда вместе не поедем. Мы здесь третий день и, заметь, все время ругаемся.

– И в этом я виновата? Если у тебя портится характер при виде Олега, при чем тут я? Догадываюсь, тебе неприятно с ним встречаться, но тогда зачем ты согласился ехать в такой компании?

– Не ори. Нас могут услышать.

– Я не ору. У тебя все время такой вид, будто ты съел лимон. С тобой невозможно рядом сидеть. Неужели не понимаешь, на кого ты похож со стороны?

– Заткнись!

– Вот и все, что ты можешь сказать? «Заткнись»! Вчера Алла спросила меня, почему ты сидишь такой кислый. Уже все обращают на нас внимание. Не нужно было сюда приезжать, Вадим. Я только и слышу от тебя разные грубости.

– Поэтому ты меня все время достаем? Если видишь, что я не в настроении, должна просто заткнуться и не приставать ко мне. А ты вместо этого пытаешься меня доконать. Все время меня пилишь...

– Не нужно было нам сюда приезжать вместе со всеми! – закричала женщина. – Чтобы видеть, как Олег обхаживает свою Ниночку и дарит ей очередную порцию бриллиантов? У тебя таких денег никогда в жизни не будет.

– Ну и хорошо. Значит, у тебя тоже ничего не будет.

– Какой ты мужчина? Ненавижу вас всех. И тебя, и твоего Аркадия, и Олега, и его дамочку. Зачем я только с тобой сюда приехала!

«Действительно, зачем? – подумал Дронго, возвращаясь в свою комнату, чтобы не слышать продолжения скандала, – можно было ругаться и у себя дома. Чтобы выяснять отношения, вовсе не обязательно лететь через всю Европу в Валенсию».

Он прикрыл балконную дверь, и в номере сразу же автоматически включился кондиционер. В хороших приморских отелях двери балконов обычно связаны с кондиционерами. Если гость хочет дышать свежим воздухом и открывает дверь балкона, то кондиционер тут же выключается. Удобно и просто, как все гениальное. Дронго подумал, что ему попались слишком шумные соседи. Он вновь посмотрел в сторону пляжа. Там купались сотни, а может, и тысячи людей. Между взрослыми бегали дети.

«Почему нужно так портить жизнь себе и другим? – думал Дронго. – Ведь гораздо удобнее вообще избегать всяческих конфликтов. Никогда не мог понять, зачем люди живут вместе, если они способны на такие скандалы? Куда проще уйти друг от друга. Или я не прав? Может, поэтому я всегда один? Подсознательно боюсь вот таких сцен, такого выяснения отношений с

Джил. Или с другими женщинами. Правда, психологи, кажется, считают, что семейные ссоры – своеобразная форма разрядки. Хотя если их послушать, то выясняется, что измена тоже идет на пользу и служит дополнительным стимулом для более тесных супружеских отношений».

Он усмехнулся. Затем, одевшись, спустился вниз, чтобы посидеть в прохладном баре, перед тем как отправиться на ужин. Дронго устроился за стойкой бара и попросил бармена подать ему томатный сок с лимоном и перцем.

– Без алкоголя? – уточнил тот, а когда Дронго кивнул, даже не моргнув глазом, начал готовить заказанный коктейль и через минуту поставил его перед клиентом.

Еще через минуту рядом с Дронго уселась женщина лет тридцати пяти. На ней был сухой купальный костюм в столь модную этим летом полоску и темно-синее парео, закрывающее нижнюю часть тела. Молодая женщина, очевидно, сильно злоупотребляла солнечными ваннами, так как ее светлая от рождения кожа стала почти коричневой. По соседству с ней устроился коренастый лысоватый мужчина в цветастой майке и серых шортах.

– Мартини со льдом, – приказал он и показал два пальца.

Бармен кивнул в знак понимания.

– Когда у нас ужин? – лениво поинтересовался мужчина по-русски.

Дронго невольно вздрогнул. Неужели в этом отеле целая группа приехавших из России людей?

– Мы договорились на половину восьмого, – напомнила женщина. – Но ты знаешь, Аркадий, я уже устала от общения с нашими друзьями. С ними неинтересно. Вадим все время мрачный, а его благоверная смотрит так, словно ждет от каждого из нас какого-то подвоха. Тигран постоянно плоско шутит, и мне неприятны его дурацкие анекдоты. Ева делает вид, будто ничего не понимает. Олегу вообще на все наплевать. А его фифочка навешивает на себя бриллианты, даже отправляясь на пляж. Совсем невоспитанная особа. Ты видел, какие у нее новые часы? Это, кажется, «Шопард» с плавающими бриллиантами. Она сменила уже третьи часы. Конечно, это ее дело, но такая вызывающая демонстрация раздражает.

Бармен поставил перед ними два высоких бокала.

– Это его знакомая, – весело ответил Аркадий, забирая один из них и протягивая его соседке, – кажется, они познакомились в каком-то клубе. Очень энергичная особа и точно знает, чего хочет...

– Это из-за нее он бросил Машу?

– Не думаю. У них и так были неприятности. Кстати, Маша была его второй женой. Но Нина сумела по-настоящему окрутить Олега. Согласись, очень красивая баба, хотя и стерва.

– Ничего красивого, – обиженно отозвалась женщина, – совсем невыразительное лицо. Просто длинные ноги и большая грудь. Наверное, сделала себе операцию. У нее там силикон. Если бы я немного подтянула грудь, сделала пластическую операцию лица и немного похудела, то выглядела бы не хуже этой особы. И ей, конечно, не двадцать три, как она всем говорит, а все двадцать пять, а то и больше.

Дронго, чтобы скрыть улыбку, отвернулся. В баре почти никого не было.

– Ну, хватит, Алла, – отмахнулся Аркадий, – нас могут услышать. Неудобно.

– Пусть слышат. Здесь никто не понимает по-русски. Они английский-то нормально выучить не могут. Везде надписи только на испанском и каталонском. В музее, где мы вчера были с девочками, все кругом написано тоже только на этих языках. Придурки какие-то! Хоть бы на английском что-нибудь написали. Ничего не понятно...

– Теперь тебе и здесь не нравится...

– А мне всегда в Испании не нравится. Они дикие какие-то, непонятные. Бомбы в отелях взрывают, туристов убивают. Чего им не хватает? У них в каждом маленьком городе по пять супермаркетов, забитых едой. Им этого мало? Хотят больше? И повсюду развесили свои каталонские флаги. Тоже мне, доморощенные националисты!

– Перестань, – строго потребовал Аркадий, – это не наше дело. Мы приехали сюда отдыхать, и нам все равно, кто и зачем желает отделиться от Испании. Может, им хочется иметь свое собственное государство. И бомбы в пятизвездочных отелях не взрываются. А у нас даже шестизвездочный. Когда написано, что отель «пять люкс», это значит шесть звездочек. Террористы не дураки, знают, что в таких отелях лучше никого не взрывать. Себе дороже... Они понимают, что за такой взрыв их из-под земли достанут.

– Какие шесть звездочек? – возмутилась Алла. – У нас в номере душ не гибкий. И мебель не самая лучшая. На четыре с плюсом самое большее. Ты и сам знаешь, что на большее это место не тянет.

– Ну как тебе не стыдно! Ты же сама выбирала это место по каталогу. Вы пошли вдвоем с Ниной и выбрали этот курорт, а теперь он тебе не нравится...

– Я не говорю, что не нравится. Просто... ой, здравствуйте! Как дела, Ниночка? А мы уже вернулись, загорали у бассейна. Вы ходили на пляж?

Дронго чуть повернул голову. Алла оказалась не права. У Нины действительно была идеальная фигура: высокий рост, длинные красивые ноги и достаточно крупная красивая грудь. На ее теле все выпуклости смотрелись очень органично. Лицо, правда, немного удлиненное, но красивые раскосые голубые глаза скрадывали этот недостаток. Длинные каштановые волосы, собранные на затылке, довольно темный естественный цвет кожи... «Наверное, Нина родом откуда-нибудь с юга, – подумал Дронго, – там еще встречаются такие красавицы». Вместе с ней в бар вошел мужчина лет тридцати пяти с серыми холодными глазами, зачесанными назад волосами, упрямой складкой у подбородка. Он был почти одного роста с Ниной, но в нем чувствовалась какая-то внутренняя сила, вызываемая осознанием своего положения и денег, которые у него наверняка были. Мужчина был одет в шорты «бермуды» и длинную светлую майку.

– Мы купались в море, – хрипло сообщил он.

– Вода просто изумительная, – восторженно подхватила Нина. Она была в купальном костюме и не стала набрасывать на себя парео, позволяя всем мужчинам лицезреть ее красивые ноги, – я даже видела рыбу, которая плескалась рядом с нами.

– Поэтому я и не хожу на море, – ядовито сообщила Алла, – предпочитаю купаться в бассейне.

– Разве можно отказаться от такого удовольствия? – рассмеялась Нина.

Ее спутник попросил дать ему кампари, а Нине заказал джин с тоником.

Бармен незамедлительно исполнил просьбу новых гостей. Дронго подумал, что он, пожалуй, единственный в баре человек, пьющий обычный сок. Сидящие неподалеку двое англичан потягивали виски, а еще одна компания, состоящая явно из португальцев, наслаждалась местным пивом.

– Вы не знаете, где Тигран с Евой? Сегодня их почему-то не было на обеде, – поинтересовалась Нина.

– Наверное, поехали в город, – предположил Аркадий. – Вы же знаете, какой неугомонный этот Тигран. Вчера он заставил нас поехать вместе с ним, чтобы посмотреть на этот непонятный «водяной трибунал».

– Он нам рассказывал, – кивнула Нина, – только я ничего не поняла. Для чего они собираются?

– Эта старая традиция, – пояснил Аркадий. – Ей уже больше тысячи лет. Рядом с центральным собором, на площади Вирхен, заседает «водяной трибунал» – восемь человек, представителей древних валенсийских родов, каждый из которых управляет своей системой оросительных каналов. Они сходятся по четвергам, рассаживаются на своих стульях по кругу и решают, как и куда подавать воду. На самом деле все давно делает автоматика. Но ритуал сохранился, и тысячи туристов приезжают со всего мира, чтобы посмотреть на это заседание трибунала.

– Как интересно! – улыбнулась Нина. – Неужели они тысячу лет вот так каждый четверг сидят на площади?

– Каждый четверг, ровно в полдень, – подтвердил Аркадий. – Я сам не поверил, когда нам рассказали. Это очень древняя традиция Валенсии, они даже говорят на своем валенсийском диалекте.

– Наверное, собираются специально, чтобы привлечь туристов, – заметил Олег, – а под видом представителей древних родов действуют обычные артисты.

«Этот парень настоящий циник», – решил Дронго.

– Не думаю, – возразил Аркадий, – гид уверяла всех, что это настоящие судьи. Думаю, они не доверили бы исполнять такую роль артистам. В этом ритуале есть что-то мистическое. Нужно было видеть их лица! Кроме того, их все знают, а среди собравшихся на площади было много валенсийцев. Они сразу увидели бы подмену.

– Все равно шоу для туристов, – отмахнулся Олег, – не нужно было туда ездить.

– Завтра мы хотим поехать в музей керамики, – сообщила Алла, – говорят, это самый лучший музей в Валенсии. И вообще самый известный валенсийский музей в мире.

– Я не поеду, – отмахнулся Олег, – чего я там не видел? Мне это неинтересно. Мы с Ниной лучше пойдем на море. А тебе, Алла, не стоит так много жариться под солнцем. Смотри, как ты загорела.

Алла пожала плечами и недовольно фыркнула. Было заметно, что ей не понравились последние слова Олега. Но тот уже отошел от стойки бара, увлекая за собой спутницу, которая не успела допить джин. Нина поставила бокал на стойку и, улыбнувшись, пошла за своим другом.

– Здесь опасное солнце, – сказала она напоследок.

Когда они вышли из бара, Алла взглянула на Аркадия.

– Твой друг – хам. Он мог бы говорить повежливее. Я вообще не хочу здесь оставаться. А эта дрянь, похоже, воображает себя законной женой.

– Не кричи, – попросил Аркадий, – успокойся, и пойдем переоденемся. Между прочим, он прав: сильный загар тебе не идет.

– Ты согласен с этой парочкой? – чуть не задохнулась от возмущения женщина.

– Я всего лишь думаю о твоей коже, – миролюбиво ответил ее супруг. На его рыхлом, мясистом лице отразилось некоторое раздражение. Затем он подозвал бармена и попросил записать на свой счет все четыре выпитых бокала.

– Ты еще будешь платить за эту дрянь? – разозлилась Алла.

– Обязательно, – пробормотал Аркадий, – и не нужно так нервничать. Мы не разоримся из-за этих двух порций. А Олег нам всегда помогал, и ты это знаешь лучше меня. Кроме него, никто не пробьет наши новые поставки сока.

– Тебя волнует только твой бизнес.

– Нет, меня еще волнует твоя кожа, – огрызнулся он.

Алла поправила свое парео, и они вышли из бара. Дронго проводил их долгим взглядом.

«Значит, они приехали все вместе, – понял он, – четыре пары. Первая живет рядом со мной. Это Вадим и Лена. Вторая – это сидевшие тут рядом Аркадий и Алла. Третья – Олег и Нина. И наконец, четвертая пара – Тигран и Ева. Интересно, почему они решили приехать именно сюда? И в таком составе? Судя по всему, у Нины с Олегом не оформлены отношения и это раздражает остальных...»

Не успел он продумать свою мысль, как в баре появилась новая пара.

Глава вторая

На этот раз сюда вошли двое, очевидно, только что приехавшие из города. На молодом человеке были светлые брюки и светлая майка, а на его спутнице – кокетливое розовое платье. У девушки длинные светлые волосы, чуть вздернутый носик, светлые зеленоватые глаза и неправильный прикус зубов, который лишь усиливал очарование ее молодого лица, когда она смеялась. Спортивная, подтянутая фигурка и уже хороший темный загар... У молодого человека – темные, почти черные курчавые волосы, крупный нос, большие выразительные глаза, резко очерченные скулы. Войдя, он прошел прямо к бармену и громко попросил холодного пива. Бармен дружелюбно кивнул. Девушка, подойдя, заказала яблочный сок.

– До ужина еще много времени, – посмотрел на свои часы молодой человек, – хорошо, что мы успели на этот автобус, иначе пришлось бы ждать целый час.

– Не нужно было вообще ездить в город, – несколько равнодушно ответила его спутница, – сегодня так жарко! Мы все равно договорились завтра ехать в город. Но если будет такая же жара, я не поеду. Лучше пойду купаться с Ниной или загорать с Аллой.

– И превратишься в копченую семгу, как она, – беззлобно рассмеялся парень. – Я тебе все время говорю, Ева, что не нужно брать пример с Аллы. У нее легкая шизофрения на тему загара. Ей кажется, что все женщины в обществе должны быть похожи на обжаренных куриц, поэтому она натирается маслом и часами лежит на солнце. Чтобы потом хвастаться перед подругами испанским загаром. И я думаю, что она завидует тебе и Нинке, тому, как вы выглядите.

– Сколько ей лет? – улыбнулась Ева. – Нашел с кем меня сравнивать, Тигран! Она нам в мамы годится.

– Только не говори при ней, она может обидеться. Ты же видишь, как она старается молодиться, напаялила купальник, который ей явно не идет. Если бы Алла не боялась показывать свою отвисшую грудь, то давно сняла бы на пляже бюстгальтер, как вы с Нинкой.

– Только этого не хватало! – снова улыбнулась Ева. – Скажи мне честно, у кого лучше грудь? У меня или у Нины?

– Мне нравятся обе груди, – попытался уклониться от ответа Тигран, но сообразив, что сказал, засмеялся. Затем поправился: – Мне нравятся все четыре груди.

– Ну, скажи честно, – не отставала Ева, – у кого все-таки лучше. У меня или у нее?

– Завтра на пляже я устрою конкурс, – попытался снова пошутить Тигран, – соберу всех мужчин, и мы определим «мисс бюст» нашего отеля.

– Нет, скажи откровенно, – начала злиться Ева.

– Ну, конечно, ты мне нравишься больше, – сказал Тигран, притягивая ее к себе и целуя в щеку, – ты самая красивая женщина не только в нашем отеле, но и на всем побережье. От Гибралтара до Барселоны. Тебя устраивает такой комплимент?

– Вечно ты шутишь, – вырвалась из его рук Ева, – никогда не говоришь серьезно.

– Ну как можно серьезно обсуждать с женщиной ее бюст? – улыбнулся Тигран. – Пойдем переоденемся. В этот аристократический ресторан нужно являться во фраках и длинных платьях. Первый раз в жизни отдыхаю в отеле на берегу моря, где такой ресторан. Во все остальные меня пускали в любом виде. В Париже или Лондоне это было бы понятно, но здесь, в Эл-Салере, при температуре в сорок градусов, такое требование кажется мне глупым.

Ева пожалала плечами, ей было все равно. На вид девушке было лет двадцать или чуть больше. Парню – около тридцати. Дронго старался не поворачиваться и не смотреть в их сторону. Ему не хотелось, чтобы эти ребята догадались, что он понимает все их разговоры. Очевидно, молодые люди, приехавшие вместе на этот курорт, ошибочно полагали, что русский тут мало кому известен.

Послышались громкие голоса, и в бар вошла еще одна пара. Очевидно, Вадим и Лена. Мужчина с коротко подстриженной бородкой и усами имел характерный азиатский разрез глаз, красноречиво свидетельствующий, что среди его предков затесались татары или башкиры. На нем были черные шорты и темная майка, надетая на голое тело. Его спутница оделась в легкое джинсовое платье. Обоим чуть больше тридцати. У женщины каштановые волосы, тонкие губы. Общее впечатление немного портил слегка вытянутый нос, нависающий над верхней губой.

– До ужина еще полчаса, – громко недовольным голосом произнесла она.

Похоже, эти люди продолжали выяснять отношения, даже покинув свой номер.

– Добрый вечер, – повернулась к ним Ева, – вы спустились немного раньше обычного.

– Как всегда, – зло пробормотал Вадим, – наверное, Лена перепутала.

– Ну при чем тут я? – возмутилась та. – Это ты сказал, что пора спускаться. Но тебя в этих шортах все равно туда не пустят.

– Откуда ты знаешь? Можно подумать, что ты здесь уже была, – проворчал Вадим.

– В отличие от тебя я знаю английский, – пояснила Лена. – Повторяю, тебя все равно не пустят. Там написано, что в ресторан нужно приходить в брюках, а не в бриджах. И не приносить с собой мобильные телефоны.

Вадим явно собирался как-то огрызнуться, когда Тигран предусмотрительно его перебил:

– Господин Калимуллин, не нужно так нервничать. Ваша супруга права. Туда действительно не пускают в таком виде. Тебе придется подняться наверх и переодеться.

– Иди ты к черту! – отмахнулся Вадим.

– Лучше учи английский, полиграфист, – назидательно проговорил Тигран. – И не спорь с женой. Нужно знать несколько языков.

– Как ты, – зло уточнил Вадим.

– Да, как я, – согласился Тигран. – Я для этого и кончал МГИМО. И ты напрасно обижаешься. Твоя супруга правильно говорит: в таком виде тебя в ресторан не пустят. Пойдем, Ева, принарядимся, иначе он подумает, что мы нарочно отправляем его переодеваться. – Он притянул к себе молодую женщину, и они вместе вышли из бара.

Лена, посмотрев им вслед, пробормотала:

– Ты всем действуешь на нервы. И выставляешь себя в глупом виде. Я тебе говорила, что в такой одежде в ресторан не пускают. Нужно было меня послушать.

– Иди ты... – толкнул ее супруг, – как ты мне надоела!

– Как хочешь, идиот, – разозлилась она. – Можешь отправиться так, и пусть тебя выгонят. Мне все равно. Сиди здесь, пей и завидуй всем своим друзьям. Так тебе и надо, вечный неудачник. Ничего путного из тебя не получится. С твоей профессией можно было зарабатывать миллионы, а вместо этого ты вынужден выслушивать их оскорбления.

– Уйди от меня! – взорвался Вадим. – Ты мне надоела.

– И уйду, – закричала она, – очень ты мне нужен! И вообще, когда приедем, я подам на развод. А ребенка заберу себе. – Она повернулась и вышла из бара.

Бармен проводил ее недовольным взглядом. Ему не нравились женщины, которые кричат на мужчин. Тем более ему не нравились иностранки, которые кричат на своих мужей в таких уважаемых местах в присутствии посторонних. Однажды он был свидетелем того, как молодая женщина надавала пощечин своему спутнику. Бармен был поражен, как терпеливо и стойчески их снес молодой мачо. Позже он узнал, что это был обычный альфонс, состоящий на содержании у богатой дамочки с согласия ее супруга. С тех пор бармен перестал верить в человеческую добродетель. Теперь его уже ничего не удивляло.

Он налил виски стоящему у стойки Вадиму и протянул ему небольшой бокал.

– За счет заведения, – пояснил он по-испански, а когда Вадим удивленно взглянул на него, еще раз пробормотал эти слова и подвинул к нему бокал.

Вадим наконец понял. Он поднял бокальчик и залпом его осушил. Дронго подумал, что, выслушав такие слова от жены, можно и напиться. И вообще нормальный мужчина должен либо немедленно развестись с такой супругой, либо постараться объяснить ей, почему нехорошо так его доводить. Но, судя по всему, Вадим не был способен ни на первое, ни на второе. Он попросил бармена снова наполнить его бокал, и бармен охотно выполнил пожелание клиента, понимая, что тот может засесть здесь надолго. Он уже знал, что гости, приезжающие из далекой северной страны, способны выпить невероятно много, почти не пьянея.

Дронго с сожалением посмотрел на усевшегося за стойку бара Вадима и вышел из бара, расплатившись за свой сок. До моря было недалеко, и он решил немного подышать свежим воздухом. Выйдя из здания, прошел мимо бассейна, направившись к небольшим воротам. На них были установлены камера наблюдения и замок, который открывал оператор, наблюдающий за входящими и выходящими. Дронго нажал на кнопку, дождался, когда сработает электронный сигнал, открыл дверцу и вышел на дорожку, ведущую к пляжу. Несмотря на вечерний час, было очень жарко. В этом году в Европе вообще выдалось невероятно теплое лето. Во Франции температура зашкаливала за сорок градусов, в Испании – за сорок пять. Дронго, привыкший к такой температуре, не испытывал особого дискомфорта, ведь в Баку она не редкость, особенно в августе. Но для французов и северных испанцев такая жара была нестерпимой. Особенно тяжело ее переносили туристы, приехавшие из северных стран.

А вот сорокаградусного мороза, подумал Дронго, он не вынес бы, даже спрятавшись в самом теплом доме. Ведь уже десять градусов ниже нуля действовали на него не лучшим образом. Очевидно, каждый человек привыкает к тому температурному режиму, в котором он родился, вырос и живет, как к определенной еде, особому климату.

Он прошел по посыпанной песком дорожке и вышел на пляж. В восьмом часу вечера берег постепенно пустел. Дронго увидел несколько молодых женщин, купающихся без бюстгалтеров, и вспомнил слова Евы. Улыбнувшись дамам, он прошел дальше, утопая в песке и думая о том, что теперь ему придется сменить обувь, потому что его мягкие туфли испачкались. Дронго повернул обратно к отелю, но решил пойти другой дорогой.

Выйдя на асфальтовую тропу, он прошел мимо длинного забора, ограждающего территорию отеля, и повернул направо, где находилась стоянка автомобилей. Там обратил внимание, что все машины стоят под навесом. Но их оказалось не так уж много – всего около семидесяти, выстроившихся в два ряда, хотя в отеле двести пятьдесят шесть номеров. На часах было уже половина восьмого, когда он вошел в прохладный холл отеля.

С левой стороны от входа просматривался бар, в котором Вадима уже не было. Должно быть, он все-таки решил подняться и переодеться. Дронго прошел дальше. На стойке администратора стояло блюдо с конфетами, которое здесь обновляли каждый день. Дронго взял три карамельки и, развернув одну из них, обнаружил, что она клубничная, красноватого цвета. Затем поднялся лифтом на пятый этаж и поспешил в свой номер, чтобы сменить обувь.

Через пять минут он опять спустился вниз и, снова пройдя через холл, направился в правую часть здания, где нужно было подняться по лестнице, чтобы попасть в ресторан «Дюна». Войдя в него, Дронго сразу понял, почему сюда пускали лишь в надлежащем виде. На всех столиках небольшого зала стояли канделябры с электрическими свечами и изысканная посуда, бесшумно сновали официанты, гостей встречали предупредительные метрдотели. На рояле в центре зала пианист, удивительно похожий на Клинта Иствуда, исполнял знакомую мелодию Брамса. Дронго предложили место у окна, но он увидел расположившуюся у стены уже знакомую ему компанию русских и решил сесть поближе к ним.

За двумя столиками, сдвинутыми вместе, сидели три пары. Все успели переодеться и выглядели достаточно респектабельно, хотя мужчины были в рубашках, а женщины в легких платьях. Царившая здесь атмосфера поневоле заставляла гостей собраться, почувствовать высокий стиль заведения. На одной стороне стола сидели Олег и Нина, Аркадий и Алла. На

другой – Тигран и Ева. Четвертой пары еще не было. Дронго подумал, что Вадим мог и отказаться идти сюда с женой, которая так явно его не уважала. Но через минуту супруги появились, компания собралась в полном составе.

В «Дюне» царил настоящий культ кухни. Постояльцам отеля предлагались ужины из шести блюд. Сначала приносили «комплимент» от шеф-повара – своего рода приветствие от него. Затем подавался салат, причем сочетание компонентов в нем в стиле «фьюжн», когда перемешиваются различные продукты, только приветствовалось. Потом наступала очередь первого блюда – традиционных испанских супов в андалузском либо валенсийском стиле. Четвертым блюдом обязательно шел шербет как воспоминание о тех днях, когда Пиренейский полуостров был занят арабами. В течение недели шербеты ежедневно менялись. Апельсиновый, арбузный, клубничный, ванильный, у каждого дня недели – свой шербет. Пятое блюдо считалось основным. Гостям предлагались на выбор мясное и рыбное блюда. Их готовили с особой фантазией и приносили закрытыми серебряными крышками. И наконец, на десерт подавались различные пирожные в сочетании с мороженым, украшенные в стиле невероятных рисунков Дали или Пикассо.

Когда принесли первое блюдо, Дронго подумал, что он не зря отправился в эту поездку по побережью. Дронго заказал себе розовое вино, попросив охладить бутылку, которую ему подали в серебряном ведре со льдом. Его соседи пили различные вина. Олег и Тигран под рыбу – белое вино, Аркадий – розовое, Вадим – красное. Соответственно и женщины тоже выбрали сорта вина каждая по своему вкусу.

Аркадий и Тигран оживленно рассказывали о церемонии «водяного трибунала». Вадим угрюмо молчал, Олег пытался шутить, женщины внимательно слушали. Со стороны казалось, что это обычный ужин давно знакомых людей, приехавших в Испанию совместно отдохнуть. И разумеется, никто из них не мог даже предположить, что рассказ о вчерашней экскурсии в Валенсию вдруг вызовет неожиданные ассоциации, приведет к напряженному разговору и все закончится трагедией.

Неожиданно Тигран сказал, что ему понравилась сама идея «водяного трибунала» – собравшиеся на площади люди открыто решают, кому и зачем отдать воду. Его поддержал Аркадий, и тут в разговор вмешалась Ева. По возрасту она была моложе всех остальных, а потому с непосредственностью юности вдруг предложила:

– А давайте и мы поиграем в трибунал. Ну, например, пусть каждый расскажет о самом хорошем и о самом плохом поступке в своей жизни. А потом мы все вместе будем решать, кто достоин прощения, а кто нет.

Воцарилось молчание. Олег взглянул на всех и криво улыбнулся:

– Интересное предложение. Не бойтесь, ребята, принять ее вызов?

– Не боимся, – весело отозвался Тигран, – тем более что для нас с тобой оно не такое страшное, как для Аркадия и Вадима. Мы здесь с подругами, на данный момент оба неженатые, холостяки, а они с женами.

– Такие темы не будем затрагивать, – великодушно предложил Олег. – Как-то я смотрел один фильм. Там трое мужиков в бане вспоминали о самой лучшей женщине в их жизни. И один из них признался, что самый запомнившийся секс у него был с женой друга.

Все засмеялись. И громче всех Тигран, который почему-то при этом отвел глаза в сторону. Еще Дронго заметил, как нахмурилась Нина, лишь слегка улыбнувшись рассказу Олега.

– Начинаем, – призвал Олег. – Каждый из мужчин по очереди расскажет о самом плохом и самом хорошем своих поступках, а женщин от этого освободим, они будут судьями и потом решат, кто насколько виноват.

– Правильно, – поддержала его Ева, – мы будем судить наших мужчин. Посмотрим, какие они на самом деле.

– Дурацкая затея, – пробормотал Вадим.

- А мне интересно, – с вызовом заявила его жена.
 - Давайте начинать, – предложил Олег. – Кто первый?
- Все умолкли, глядя друг на друга.

Глава третья

Дронго с интересом наблюдал за этой сценой. Похоже, молодые люди не поняли, что собрались поиграть с огнем. Ведь знание о человеческих грехах и слабостях ничего положительного никому не дает и лишь заставляет очередной раз задуматься о человеческом несовершенстве. Не случайно так священна тайна исповеди. Но священникам легче, чем обычным людям, они верят в Бога и в этом черпают силы. Дронго даже почувствовал, что ему хочется остановить молодых людей, готовых к такому необычному конкурсу. Но верх, как всегда, взяла давно выработанная привычка не вмешиваться в чужие дела. Это во-первых. А во-вторых, от намерения вступить с ними в разговор удержала элементарная неловкость. Кто-то наверняка запомнил его в баре и теперь сразу поймет, что он слышал все их разговоры и споры. Он поднял бокал и попробовал вино на вкус.

Рядом со сдвинутыми столами находился еще один небольшой столик, за которым обедал в одиночестве невысокий мужчина с круглой как шар головой и немного смешными, старомодными усиками. Когда ему принесли первое блюдо, Дронго заметил, как он радостно и энергично закивал головой. Очевидно, получал удовольствие от самого процесса поглощения пищи.

– Так кто начнет? – повторил Олег, оглядывая приятелей. – Или вы храбрые только тогда, когда нужно языками трепать?

Мужчины смотрели друг на друга.

– Ты предложил, ты и начинай, – обратился Аркадий к Тиграну.

Тот пожал плечами, улыбнулся и сказал:

– Пожалуйста. Самый лучший поступок в жизни я совершил в десять лет, когда поцеловал на спор девочку из своего класса. А самый худший... – он задумался, глядя на сидящую рядом с ним Еву, – самый худший случился два дня назад, когда я случайно раздавил бабочку...

– Не случайно, – перебила его Ева, – а нарочно. Я тебя предупреждала, чтобы ты был осторожен. А ты бросил туда свои брюки, накрыл бабочку и сломал ей крыло.

– Вот ты всегда так – не веришь в мои лучшие чувства, – заметил Тигран.

– Хватит, – остановил его Олег, – это глупо. Если мы начнем вспоминать свои школьные приключения и сломанные крылья бабочек, то вся эта затея изначально никому не интересна. Не хотите говорить откровенно, так и скажите.

Было заметно, что он привык руководить.

– Господин Базуров в своем репертуаре, – весело заметил Тигран. – А почему ты решил, что я шучу? Может, смерть бабочки – это вселенская трагедия, а тот поцелуй в школе – мое самое приятное воспоминание?

– Олег прав, – вмешалась Нина, почему ты все время шутишь, Тигран? Если не хочешь серьезно разговаривать, нечего было вспоминать про этот трибунал.

– Вот именно, – поддержала ее Алла, – Тигран все старается превратить в смешное.

– Ну вот, на меня напали сразу все женщины, – поднял обе руки Тигран. – Хорошо хоть Лена молчит, иначе не знаю, что бы я делал. Спасибо тебе, Лена, за поддержку.

– На здоровье, – усмехнулась она. – Я ждала, что ты расскажешь о своих грехах, потому и молчу. А свои заслуги ты все равно нам распишешь лучше всех.

– И ты, Брут... – вновь не удержался от улыбки Тигран. – Все против меня.

– Давайте я начну, – неожиданно предложил Вадим.

Снова наступило молчание. Официанты принесли очередные блюда, разлили всем вино. И лишь когда они удалились, Аркадий спросил у Вадима:

– Ты хочешь начать первым?

– Хочу, – подтвердил тот.

И все поняли, что он намерен говорить серьезно.

– Самый лучший поступок в жизни я совершил во время распределения в институте, – задумчиво произнес Вадим, – на пятом курсе. Тогда еще было распределение и мы ждали в коридоре, когда нас позовут, чтобы объявить, кого куда направляют. Последний год Советской власти – девяносто первый. Мне тогда было двадцать два. Я, как и все, знал, что первых троих выпускников оставят в Москве для работы на новом полиграфическом комбинате. Это были престижные места, и нам заранее объявили, что туда попадут только трое. И всем было известно, кто именно останется в Москве, получив назначение на этот комбинат, – круглые отличники. А четвертой следом за нами шла Римма Хохрякова. Она сейчас живет в Америке, уехала туда вместе с мужем пять лет назад. А тогда встречалась с одним из наших сокурсников и к распределению была уже на пятом месяце беременности. У нее в дипломе была одна четверка. По истории КПСС. Ей ее поставила строгая дама, старая дева, которая считала появление в аудитории беременной студентки, к тому же незамужней, аморальным поведением. В общем, все знали, что Хохрякова училась даже лучше остальных, но вот так оказалась в списке лишь четвертой.

Тогда мы трое договорились, что откажемся от своих мест на новом комбинате в ее пользу. Но сначала перед комиссией предстал Абрамов и не отказался. Затем пошел Важейкин и тоже подписал предложенное направление. Я был третьим по алфавиту из лучших выпускников того года. И должен признаться, положение у меня было достаточно сложное: у меня болела мама, а на новом комбинате должны были платить хорошую зарплату. И все-таки в последний момент я решил отказаться. Объявил комиссии, что хочу поехать в Тулу на другой полиграфический комбинат. Они меня долго отговаривали. Но я твердо стоял на своем. И Хохрякова попала на мое место...

– Ну и дурак, – не выдержал Тигран, – не нужно было отказываться. Твоя сокурсница давно загорает в Америке, а ты так и не стал настоящим полиграфистом.

– Не стал, – согласился Вадим, – три года я ездил в Тулу, и в конце концов это надоело. К тому времени распался Советский Союз, я ушел в кооператив, который выпускал кожаные куртки, и с тех пор забросил свою профессию. Вот только недавно пришел в нашу фирму, где мы сотрудничаем с Аркадием.

– Сейчас полиграфисты самые богатые люди, – мрачно заметил Олег. – Слушай, а это не тот Важейкин, который возглавляет издательство «Арго»?

– Тот самый. Петя Важейкин, – кивнул, невесело усмехнувшись, Вадим. – Он сейчас известный человек.

– Ну и для чего ты это устроил? – полюбопытствовал Тигран. – Глупый поступок молодого романтика. Она все равно не сделала нормальной карьеры, уехала в Америку, а ты лишился перспективной работы, оставил больную маму, отправился гробить себя в Тулу. Глупо... Ребенок хоть был от тебя?

– Иди ты... – обиделся Вадим.

– Ну она вышла замуж за отца своего ребенка? – поинтересовался Аркадий.

– Нет, – ответил Вадим. – Она вышла замуж совсем за другого человека.

Лена уронила ложку.

– Почему ты никогда мне этого не рассказывал? – потребовала она ответа.

– Не придавал этому значения, – буркнул Вадим, – а сейчас вдруг вспомнил. Тигран слишком часто обзывает меня «полиграфистом». Вот я и вспомнил.

– Опять я виноват, – усмехнулся Тигран.

Дронго обратил внимание, что незнакомец за маленьким столиком тоже прислушивается к разговору соседей. Возможно, этот человек понимал русский язык.

– Это неинтересно, – заявила Алла. – Каждый из вас сейчас начнет расписывать, какой он порядочный и честный, а еще при этом привирать. За честность не судят, и хорошие поступки трибунал не обсуждает. Это неправильно. Давайте сделаем по-другому. Пусть каждый расскажет о самом гадком поступке в своей жизни. Только очень честно. И без глупых шуток. А мы вынесем приговор. Вот это будет логично.

– Верно, – поддержала ее Нина, – только не обманывайте. Пусть Вадим первым и расскажет о самом плохом своем поступке. Если уж начал, пусть продолжает...

– Давай, Вадим, – подзадорил его Тигран. – Мы ждем от такого благородного романтика признания о его моральном падении. Не стесняйся!

Вадим взглянул на него. Поднял бокал вина, залпом его выпил. Помолчал и начал рассказ:

– В девяносто восьмом в нашем кооперативе мы потеряли полмиллиона долларов. И все банки отказались иметь с нами дело. Вы же помните, какая тогда сложилась ситуация. – Он повертел в руках пустой бокал. – Я встретился со знакомым банкиром, и он мне честно сказал, что никто нам не даст ни копейки. Такое было глупое время. Рынок тогда завалили турецким и китайским ширпотребом, который был в десять раз дешевле нашего. В общем, я понял, что дело нужно закрывать. Я ничего не сказал ребятам, моим компаньонам, но потихоньку начал готовиться. Все понемногу распродал, превращал деньги в доллары – тогда это было надежнее всего. Одним словом, действовал тайком от ребят. И когда в августе девяносто восьмого случился дефолт, я почти ничего не потерял. У меня все деньги находились в долларах, а ребята держали свои счета в рублях. И контракты они заключали в рублях. Верили нашему правительству, которое держало курс шесть рублей за доллар. А я не верил и заключал все свои контракты только в долларах. В сентябре выяснилось, что я единственный из четверых, кто сумел удержаться на плаву. Остальные обанкротились. Один из них выбросился из окна. Я до сих пор виню себя в его смерти...

Снова наступило молчание. Официанты подали шербет, забрали тарелки, разлили вино в высокие бокалы.

– От твоих историй весь аппетит пропал, – заявила Алла.

– Я даже не знала, что ты такой умный, – пробормотала Лена. – Мы тогда с тобой только познакомились.

– Пять лет назад, – кивнул Вадим, – мне было двадцать девять. С тех пор я занимаюсь аптечным бизнесом вместе с Аркадием.

– А я не считал бы себя виновным, – задумчиво произнес Тигран.

– А ты в чьей смерти повинен? – требовательно спросил Олег.

– Ни в чьей, – криво усмехнулся Тигран, но улыбка его получилась несколько вымученной. – Слава богу, я никого никогда не убивал.

– Неужели ты такой ангел? – подзадорила его Ева. Ей было интересно, что расскажет ее друг.

– Нет, не ангел, – ответил Тигран, – я никогда не был ангелом. У меня все всегда шло нормально. Школу окончил в Москве, потом МГИМО, отец работал в МИДе, у меня туда была прямая дорога. В девяносто восьмом окончил институт. У нас не было распределения, но идти клерком в МИД я не захотел. Два года пахал во французской фирме, потом перешел в нашу компанию. Вот и вся моя биография.

– И ни одного темного пятна? – насмешливо полюбопытствовал Аркадий.

– Сколько угодно, – отмахнулся Тигран, – но это касается моих личных отношений...

Дронго заметил, что Нина, сидящая напротив Тиграна, опять нахмурилась. Мужчина за маленьким столиком пил вино, не отрывая глаз от Тиграна. «Наверное, он все-таки что-то понимает», – подумал Дронго.

– Ты у нас такой Казанова, – пошутила Ева.

– Уже нет, – возразил Тигран. – Мне стукнуло двадцать семь, пора становиться взрослым. Несколько лет назад, еще до тебя, Ева, я познакомился с одной девушкой. Из очень хорошей семьи. Мы с ней встречались полгода. Потом я узнал, что она... что у нее... в общем, она оказалась беременной. Но я не хотел жениться и тем более не собирался обзаводиться незаконно-рожденными детьми. И тогда я настоял, чтобы она сделала аборт. Вот и все мои прегрешения.

– И она сделала аборт? – спросила Ева дрогнувшим голосом.

– Это так важно? – отозвался Тигран.

– Да, – подтвердила она.

– Этого я не знаю, – сообщил Тигран. – Мы с ней тогда поссорились.

– И ты больше не интересовался своим ребенком? – не успокаивалась Ева.

Тигран понял, что производит не лучшее впечатление.

– У нее все нормально, – сказал он, больше обращаясь к Еве, чем ко всем остальным.

– И ты ей больше не звонил?

– Звонил. Но она не захотела со мной разговаривать. Черт меня дернул за язык! Вот нельзя быть искренним, нужно все время врать и рассказывать про бабочек.

– А тебе все равно, – вдруг заявила Ева. – Тебе безразлично, кто перед тобой – живой человек или бабочка.

– Вот так мне и надо, – огорченно заметил Тигран. – Больше ничего не скажу. Где официант, почему у меня пустой бокал?

– Это мой бокал, – сказала сидящая рядом Лена. – Твой вот этот.

– Спасибо, – кивнул Тигран, пододвигая к себе бокал и стараясь не смотреть на Еву.

– Теперь очередь Аркадия рассказывать душеспасительную историю, – сообщил Вадим.

– У меня все нормально, – улыбнулся тот, – я ведь старше вас всех и успел разобраться, что такое хорошо и что такое плохо. Работал врачом, спасал людей на «Скорой помощи». В девяносто третьем ушел на вольные хлеба. Создал свой кооператив, поставлял лекарства. Потом мы стали поставлять и минеральную воду. Сейчас передаем этот товар в супермаркеты Олега и стараемся держать марку. Вот и все.

– Так нечестно, – заявила Нина, – вы ничего не рассказали. Неужели у вас не было ничего такого, за что вам было бы стыдно?

– Ничего, – ответил Аркадий, – я даже бабочек не убивал.

– Так не бывает, – возразил Тигран, – наверняка обманываешь своих компаньонов, вместо минеральной воды наливаешь водопроводную, мухлюешь с поставками. Признавайся честно, что именно ты делаешь?

– Ничего, – сказал Аркадий, – а качество нашей воды, между прочим, проверяешь именно ты. У нас все нормально.

– И ни одного отступления от правил? – не поверила Нина. – Ни единого?

– Когда я работал на «Скорой помощи», у нас умерла старуха, – вспомнил Аркадий. – Мы приехали слишком поздно и не смогли оказать ей помощи. Я помню, что она жила на Котельнической набережной, в высотке. Кажется, была вдовой какого-то сталинского наркома. Меня потом долго таскали по разным прокуратурам.

– А почему вы опоздали? – поинтересовался Вадим. – Что вас задержало?

– Ждали нашего водителя, – признался Аркадий, – он поехал домой, отпросился у меня. Кажется, повез семье масло, которое тогда давали по талонам. Холодильник у нас не работал, и я разрешил ему уехать.

– И вы намного опоздали? – спросил Тигран.

– На полтора часа. У старушки оказались вредные соседи, которые подали на нас в суд. Меня мучили еще полгода, даже хотели выгнать с работы. Тогда подобное означало полный крах. Но я отделался только выговором.

– А водитель?

- Его выгнали, – признался Аркадий, – хотя до пенсии ему оставалось года два.
- Вот поэтому я убежденный антикоммунист, – провозгласил Тигран.

Официанты подали основное блюдо. Четыре официанта встали между сидевшими, протягивая руки к серебряным крышкам. И по взмаху метрдотеля подняли их. Все посмотрели на Олега. Из присутствующих мужчин только он пока ничего не рассказал. Но никто не решался ему напомнить. Даже Нина, сидящая рядом с ним, лишь искоса смотрела в его сторону и молчала.

– Теперь моя очередь, – объявил он сам, – только начинайте есть, а то все остынет. У одного – выбросившийся друг, у другого – скончавшаяся старушка, у третьего – не родившийся ребенок. Или родившийся без отца. Просто какие-то кровавые истории из бразильской мелодрамы. У меня ничего такого нет. Ни левых детей, ни скончавшихся друзей. Ничего. У меня есть дочь от первого брака, которой я помогаю. Есть мои компаньоны, с которыми я работаю. Есть сотрудники нашей компании. Все.

– И ни одного трупа? – съехидничала Ева. Как самая молодая, она могла позволить себе такой дерзкий вопрос.

– Ни одного, – подтвердил Олег, поднимая вилку и нож. И, нахмурившись, добавил: – Я стараюсь вести цивилизованный бизнес. Никого не обманывать, никому ничего не обещать. Поэтому и остался в живых, когда других коммерсантов отстреливали. По-моему, всегда можно договориться и с бандитами, и с ментами.

– Как в прошлом году, – вставил Тигран.

– В прошлом году? – не сразу понял Олег. Но через секунду, согласно кивнув, продолжил говорить: – В прошлом году мы должны были заплатить за крупную партию овощей. Провели предоплату, нам поставили партию товара. Все как обычно. Товар привезли на наши склады. А потом оказалось, что часть его испорчена. Мы потребовали увезти овощи и вернуть деньги. А они стали доказывать, что мы неправильно их хранили. Тогда нам и пришлось обратиться к «посредникам». Они быстро выбили наши деньги и восстановили статус-кво.

– И вы получили все деньги обратно? – уточнил Вадим.

– Все. Даже с процентами. Правда, пришлось заплатить и этим «посредникам». Лучше про них не вспоминать. У них методы даже не бандитов, а разбойников. У одного из сотрудников фирмы-поставщика они украли жену и дочь, ожидая, пока тот не заплатит. В общем, типичная мафия.

– И ни одного убитого? – опять спросила Ева.

– Нет, конечно. Неприятности у них были, но убитых нет. Я же не бандит. Мы только хотели вернуть свои деньги.

– А вы действительно неправильно их хранили? – поинтересовалась, чуть усмехнувшись, Нина.

– Что? Деньги? – пошутил Олег. – Деньги мы храним в банках. В консервных. Как и овощи, которые они нам поставили. Какое это имеет значение сегодня? Они заплатили деньги, и все. Но это не было плохим поступком с моей стороны.

– Тогда это не считается, – резюмировала Алла. – Неужели у вас не было ни одной серьезной истории?

– Была, – вдруг признался Олег, – в девяносто пятом мой водитель совершил наезд и задавил инвалида. Такой труп подойдет?

– Нет, – возразила Алла, – это не считается. Виноват был ваш водитель. При чем тут вы?

– Каждый хочет свалить свою вину на другого, – цинично заметила Нина.

– А вы все хотите достать из меня какой-нибудь труп? – улыбнулся Олег. – Но его нет. И не может быть.

– Вы сами предложили всем мужчинам вспомнить самый плохой поступок в своей жизни, – напомнила Алла. Было заметно, что муж пытается ее удержать, но она не успокаивалась.

– Самый плохой поступок, – посмотрел ей в глаза Олег, – наверное... наверное... – Он поднял бокал и чуть пригубил вино. – Вспомнил! В девяносто пятом, когда мы только начинали наш бизнес, к нам поступила большая партия упаковок. Мы заказали упаковки для двух наших супермаркетов, но их оказалось слишком много. Тогда мы продали большую часть товара другой фирме. И заключили с ней договор о самовывозе. Они должны были забрать свой картон вечером, но оформление задержалось, и они приехали утром. А утром оказалось уже поздно – наш склад сторел. В результате их фирма обанкротилась. Кажется, их руководитель умер от сердечного приступа. Такой труп подойдет?

– Вы опять не виноваты, – заметила Алла. – При чем тут вы, если у него было больное сердце и они не успели вывезти свой товар?

– Такая практика была распространена в середине девяностых, – вставил Тигран, – тогда часто платили за воздух. И склады часто горели. А до этого были фальшивые авизо. Перевод воздуха в деньги.

– Это вы сами подожгли ваш склад? – изумилась Ева.

Но ей никто не ответил. Олег смотрел куда-то в сторону, остальные замолчали. Ужин продолжался. Официанты забрали основное блюдо и начали разносить десерт. Кто-то выбрал кофе, кто-то заказал чай. Дронго подумал, что англичане правы, когда говорят, что у каждого в шкафу спрятан свой скелет. Теперь он с любопытством ждал, какой приговор вынесут женщины. Интересно, чье преступление они посчитают наиболее тяжким?

Глава четвертая

Но женщины молчали. Тогда слово взял Тигран:

– Что ж, теперь, надеюсь, все довольны. Нас выпотрошили, и выяснилось, что все мы не очень хорошие люди. А как с точки зрения высокого трибунала? Мы ждем оглашения вашего решения.

– Не нужно, Тигран, – попросила дрогнувшим голосом Ева.

– Это была неудачная затея, – поддержал ее Аркадий, – давайте закончим нашу игру.

– Почему закончим? – неожиданно вмешалась молчавшая до сих пор Лена. – Мы и так знали, что все вы не ангелы. Так что ничего нового вы нам не открыли.

– У тебя мрачный взгляд на перспективу, – пошутил Олег. – Ладно, давайте доведем все до конца. Пусть женщины определяют степень вины каждого из нас. Выяснилось, у всех есть своя история, своя тайна. Осталось решить, кто из нас больше виноват в собственных прегрешениях. Даже интересно вас послушать, дорогие дамы.

– Так нечестно, – заявила Алла, – получается, что мы должны говорить и против своих мужей, и против друзей. Мне это не нравится. Давайте лучше сделаем по-другому: возьмем бумагу и каждая из нас напишет, кого она считает виновным более всех остальных. А потом сложим результаты.

– И так тоже неправильно, – возразил Тигран, – все четыре женщины наверняка напишут, что я самый большой мерзавец, потому что бросил женщину с ребенком. А Вадим успел рассказать о своем благородстве. Нет, так нельзя. Давайте по-другому. Пусть каждая напишет всего лишь четыре буквы, с которых начинаются наши имена, тем более что они у нас разные, но расставив их в порядке вины каждого. Потом сравним записи и увидим, кто займет «первое» место, кто второе, третье, четвертое. Только четыре буквы: «Т», «О», «А», «В».

– Правильно, – поддержала его Нина, – так будет лучше всего. И честнее. Давайте попросим, чтобы нам принесли бумагу и ручки.

Дронго обратил внимание, что мужчина за маленьким столиком покончил с десертом и попросил принести ему кофе. В свою очередь, он заказал чай. Компания за двумя сдвинутыми столами обратилась к метрдотелю с просьбой обеспечить их бумагой и карандашами. Пока женщины выводили на своих листках четыре буквы, пианист, похожий на пожилого Клинта Иствуда, вернулся в зал и снова заиграл на рояле. На этот раз популярные джазовые мелодии. Под эту музыку женщины и закончили писать. Нина это сделала быстро, решительно, не раздумывая. Алла неторопливо выводила каждую букву. Лена долго размышляла, прежде чем ставила очередную закорючку. И лишь Ева так меланхолично заполнила свой листок, словно хотела всем продемонстрировать, что совершенно не одобряет этого занятия.

И тем не менее все женщины сдали свои «вердикты» Алле как самой старшей из всех, чтобы она огласила решение трибунала.

Алла развернула первый листок. Дронго отодвинул чашку с чаем и при этом заметил, что мужчина за маленьким столиком тоже оторвался от кофе и, уже не скрывая интереса, наблюдает за соседями.

– На первом листе буква «О», – объявила Алла.

– Интересно, – криво усмехнулся Олег.

– Затем «А»...

– Надеюсь, что это не Алла, – пробормотал Аркадий.

– Т...

– Странно, что не слишком высокое место, – заметил Тигран.

– В... – огласила последнюю букву из первой бумаги Алла.

«Кто это написал? – подумал Дронго. – Я должен определить, кто именно так расставил буквы. Сама Алла? Вряд ли. Она знала о случившемся с мужем и не стала бы ставить его на второе место. Нина? У Олега оказалось слишком высокое место. Нет. Это не Лена, она не поставила бы мужа последним. Значит, Ева. Это ее листок».

– Второй результат, – сказала Алла, чуть запнувшись. Дронго увидел, как она быстро подняла глаза и снова взглянула на бумажку. Было похоже, что она знает результаты заранее.

– О... Т... В... А... – прочитала Алла, переписывая буквы на другой лист.

«Это писала она, – решил Дронго и увидел, как удовлетворенно вздохнул мужчина со старомодными усами. Очевидно, он тоже пытался угадать, кто против кого проголосовал.

– Надо же, у меня уже два первых результата, – несколько удивленно заметил Олег.

– Решение третьей судьи, – сообщила Алла, разворачивая очередную бумагу. – На первом месте буква «Т»...

– Вот, я так и думал! Не нужно было рассказывать про бабочку, – невесело пошутил Тигран.

– Затем идут «О», «А», «В», – быстро проговорила Алла.

«Неужели это Лена? – удивился Дронго. – Все-таки написала мужа последним. Или нет? Но в таком случае это Нина. Интересно, почему она так враждебно настроена к Тиграну? И это очень заметно».

– Последний листок, – сообщила Алла, – «Т», «О», «В», «А»...

«Это Лена, – сразу понял Дронго, – значит, предыдущий приговор был написан Ниной. Тогда все сходится».

– Меня немного реабилитировали, – произнес Олег.

– Теперь общий результат, – провозгласила Алла, складывая все четыре варианта. Олег лидирует, Тигран занял второе место, Аркадий – третье, Вадим – четвертое.

– Не очень приятно, – подвел итог Олег, – настоящий трибунал признал меня самым большим негодяем. Что ж, обидно...

– Это только шутка, – попытался разрядить обстановку Аркадий.

– В каждой шутке есть доля истины, – возразил Олег. – Но это даже хорошо. Теперь буду знать, как ко мне относятся наши дамочки. Две поставили меня на первое место, две – на второе. Никто не удосужился дать хотя бы третье. Интересно, Нина, на какое место ты меня отнесла? На первое или на второе?

Нина закусила губу и промолчала. Она явно не ожидала такого поворота событий. И когда расставляла буквы, не подумала, что ее вывод может быть так четко выявлен. Олег внимательно смотрел на нее и ничего больше не спрашивал.

– Давайте закажем шампанское и закончим наш «трибунал», – предложил Тигран. – В конце концов у меня тоже не очень приятное, второе место. Я ненамного отстал от тебя, Олег, мы с тобой оба пострадавшие.

– Я не хочу пить шампанское, – заявил Олег, – давайте закончим наш ужин. Приговор справедливый и обжалованию не подлежит. – Он резко поднялся и вышел из ресторана.

– Кажется, он обиделся, – констатировала Алла.

– Он не простит мне такого предательства, – тихо пролепетала Нина.

– Не надо так драматизировать, – посоветовал ей Тигран, – это ведь только игра.

– Он мне этого не простит, – упрямо повторила Нина, – я должна была понять, что он сумеет все просчитать.

– Пройдет немного времени, и Олег успокоится, – примиряюще сказала Алла.

– Никогда он мне этого не простит, – возразила Нина. – А нам так здесь нравилось! Мы даже хотели купить дом в Эл-Салере, и вот как все получилось... – В ее глазах стояли слезы.

– Пойдемте с нами, Ниночка, – предложила Алла, – не стоит так переживать.

– Спасибо, – ответила она, – лучше я немного погуляю. – Нина поднялась и быстро вышла из ресторана.

Аркадий, посмотрев ей вслед, собрал все четыре листочка, добавил к ним тот, на котором Алла подсчитывала общий результат, разорвал все на мелкие кусочки и выбросил в пепельницу. Затем медленно поднялся.

– Неудачная получилась игра в трибунал, – провозгласил он. – Не нужно было вообще никому ничего рассказывать.

Когда вместе с супругой он вышел из зала, Тигран поднялся и посмотрел на Еву.

– Надеюсь, это ты поставила меня четвертым? – почти весело поинтересовался он.

– А как ты думаешь? – откликнулась она, ничего не ответив.

Когда и они ушли, за столами остались только Вадим с Леной. Оба молча сидели, не глядя друг на друга.

– Ты не поставила меня последним. – Вадим не спрашивал, он был уверен.

– Нет, – с вызовом ответила жена. – Я не считаю тебя таким ангелом, каким ты здесь старался выглядеть. Ты ничего не смыслишь в жизни. Зачем тебе нужно было так глупо уступать твое распределение этой беременной дуре?

– Ты ничего не понимаешь, – вздохнул Вадим.

– И не хочу понимать! Я живу с идиотом, который ничего не знает о жизни и не хочет знать. Самое обидное, что ты даже не пытаешься ничему научиться.

– Хватит, – отмахнулся Вадим. – Не желаю больше тебя слушать.

– И не нужно. – Она резко поднялась. – Остальные хоть деньги нормальные зарабатывают. А тебя даже на это не хватает. Состоишь на побегушках у Аркадия, у Олега. Они все по статусу выше тебя. И в этой компании тебя терпят только из-за меня. – Лена повернулась и вышла из зала.

Вадим побагровел от гнева, поднял руку, подзывая официанта.

– Виски, – зло потребовал он, – двойную порцию.

Ему принесли виски, и он залпом его выпил. После чего тоже покинул ресторан. Официанты начали убирать столы. Дронго заметил, как, сразу потеряв интерес ко всему происходящему, мужчина с усами допил кофе и поднялся из-за стола. Он оказался чуть ниже среднего роста. Дронго расписался на счете за ужин, указав номер своей комнаты, и спустился в холл.

Там на диване, глядя в сторону бассейна, сидел все тот же мужчина с круглой как шар головой. На столике перед ним стояла чашечка кофе.

Дронго подошел к нему поближе.

– Здравствуйте, – сказал мужчина по-английски, глядя на Дронго снизу вверх. – Помоему, я вас видел в ресторане.

– Да, – кивнул Дронго, – я вас тоже там видел.

– Прекрасно. – Мужчина поднялся с дивана и церемонно поклонился. – Нас никто не представил друг другу, но я думаю, мы обойдемся без формальностей. Меня зовут Фредерик Миллер.

– Очень приятно. Меня обычно называют Дронго.

– Тот самый? – удивленно поднял брови Миллер. – Известный эксперт по проблемам преступности?

– Иногда я занимаюсь такими проблемами, – усмехнулся Дронго, – но мне кажется, что и ваша фамилия не менее известна, господин Миллер. Мне о вас рассказывал инспектор Доул. Мы с ним хорошие знакомые.

– Прекрасно, – во второй раз повторил Миллер. – Это хорошо, что у нас есть общие знакомые. И общие интересы, мистер Дронго.

– Вы еще более известный специалист в области расследований преступлений, чем я, господин Миллер, – заметил, улыбнувшись, Дронго.

Миллер благосклонно кивнул. Было заметно, что ему приятна такая слава и он не собирается этого скрывать.

Они уселись рядом на диване, и тут Дронго увидел, что заинтересовало его нового знакомого у бассейна. Там, на освещенной площадке около собранных столов и стульев, стояли явно взволнованные Олег и Нина и, судя по всему, бурно высказывали друг другу претензии. Было заметно, как они напряжены.

– Никак не могут успокоиться, – сказал Дронго, глядя на них.

Миллер согласно кивнул и пригубил кофе.

– Я видел, как вы слушали беседу молодых людей за соседним столом, – медленно произнес он, тоже глядя на Нину с Олегом, которые были хорошо видны через вымытые стекла. – Я сидел рядом и тоже слышал их признания. К сожалению, мне не удалось все понять. Я недостаточно хорошо владею русским языком, хотя умею разговаривать и понимаю почти все слова.

– Откуда? – удивился Дронго. – Я полагал, что вы бельгиец или англичанин. Откуда вы знаете русский?

– Это интересная история, – взглянул на него Миллер. – Дело в том, что моя бабушка родом из Одессы. Еще в конце девятнадцатого века она вышла замуж за англичанина, уехала в Лондон. А моя мать Агата, рожденная от их брака, нашла моего отца – бельгийца, мать которого была француженкой. В результате еще в детстве я выучил несколько языков. Английским и французским владею достаточно хорошо, но еще понимаю и русский благодаря моей бабушке, которая разговаривала со мной только по-русски.

– Тогда вы все поняли?..

– Не все, – признался Миллер, – мне сразу показалась странной и опасной игра, которую они затеяли. Нельзя серьезно говорить о собственных грехах в присутствии чужих людей. Это вызывает ненависть, раздражение, непонимание, отторжение. Не случайно молодых священников не допускают принимать исповеди кающихся, для этого нужно обладать достаточной силой духа. И вот такая глупая игра. Кажется, многие обиделись друг на друга.

– Да, – согласился Дронго, – и больше всех Олег на свою подругу. Кажется, он приехал сюда с ней после недавнего развода. А она поставила его вторым.

– Верно, – согласился Миллер, с еще большим любопытством глядя на собеседника. – Вы тоже вычисляли, кто как проголосовал? Конечно, эта молодая симпатичная девушка с польским именем Эва поставила первым Олега. Но и самая старшая тоже поставила его первым. А остальные женщины вторым.

– Ее зовут Ева, – поправил Миллера Дронго. – Это имя дают не только в Польше. Оно такое же интернациональное, как Мария или Ольга. Но мне кажется, вы правы, в этой девочке есть что-то от польки.

– Не буду настаивать. – Миллер еще отпил кофе и поставил чашечку на столик. – Им не следовало вести такую неразумную игру. По-моему, Олег приехал сюда не со своей женой. И другой мужчина, с таким интересным именем, Тигран. Он тоже с подругой, с этой Евой.

– Да. Тигран, очевидно, армянин, – пояснил Дронго, – у них есть такие имена. Их даже давали царям.

– Я так и подумал. А остальные двое приехали с женами. Хотя жена старшего из них, Аркадия, кажется мне более благоразумной женщиной, чем жена Вадима. У него очень труднопроизносимая фамилия, я не смогу ее воспроизвести...

– Калимуллин, – вспомнил Дронго. – Это башкирская или татарская фамилия. Скорее башкирская.

– Вы мне очень помогли. Значит, четыре пары приехали вместе на отдых. Я думаю, что жена господина Калимуллина проявляет непонятную нервозность. И достаточно критично относится к мужу. Сама идея игры показалась мне порочной. Это такой глупый поиск самого виновного. По-моему, Олег имеет очень сильное влияние на всех остальных.

– Он руководитель компании, в которой работает Тигран, – сообщил Дронго, – а остальные двое занимаются поставками для их супермаркетов. Они все связаны друг с другом, хотя абсолютно очевидно, что Олег в этом коллективе лидер.

– И его так обидели, – покачал головой Миллер. – Женщины часто бывают непоследовательны в своих действиях. Они ведь знали, что их мужья в той или иной степени зависят от Олега. И тем не менее так вызывающе проголосовали...

– Женская логика часто противоречит мужской, – согласился Дронго, – они более интуитивны и эмоциональны. Поэтому Тигран оказался на втором месте.

– И вы думаете, что все так и закончится? – поинтересовался Миллер.

– Боюсь, что нет. Полагаю, подруга Олега вряд ли сегодня решится явиться к нему в номер. – Дронго показал в сторону парочки за стеклом холла, чья жестикуляция не оставляла сомнений, что они серьезно поссорились. – Скорее всего она либо уедет отсюда, либо попросит дать ей другой номер. Мне кажется, он сильно на нее обиделся.

– Я это тоже почувствовал. Но думаю, она не уедет. Пока будет надеяться, что сможет восстановить отношения, останется здесь. А вот когда поймет, что шансов на это нет, все бросит и уедет. Хотя, думаю, вы правы, ей совсем необязательно возвращаться в свой номер, рискуя нарваться еще на один скандал.

– Кажется, мы сделали одинаковые выводы, – подвел итог Дронго, – завтра посмотрим, чем закончится эта история. Или проверим у портье. Я слышал фамилию Олега. Его номер зарегистрирован на фамилию Базурова. Так что мы сможем узнать, чем закончится их ссора.

– Так быстро? – скептически скривил губы Миллер. – Нет, я думаю, она все-таки попытается с ним помириться. Постарается все ему объяснить, прежде чем примет какое-то конкретное решение. Конечно, эта молодая женщина ошиблась. Нельзя было так демонстративно и глупо выдавать свое отношение к мужчине, который привез ее на этот дорогой курорт. Как вы думаете, у нее хватит денег, чтобы в такое время года снять номер в нашем отеле?

– Возможно, и хватит, – предположил Дронго, продолжая посматривать на ссорящихся. Было видно, как сильно нервничает Олег. – Боюсь, ей все-таки придется снять отдельный номер или уехать в Валенсию.

– Если я хоть что-то понимаю в психологии женщин, она не уедет, чтобы не порвать со своим другом окончательно, – заметил Миллер. – Останется здесь хотя бы до утра, чтобы дать ему шанс на примирение. Подождем?

– Подождем, – согласился Дронго, – посмотрим, чем все закончится. А вы расскажите мне, как вам удалось раскрыть это последнее преступление в Стоунхендже.

– Согласен. А вы, в свою очередь, расскажите мне вашу историю в Дартфорде. Ведь там против вас действовал настоящий профессионал.

– В таком случае я закажу чай, – решил Дронго, – а вам попрошу принести еще кофе. Мне кажется, у нас будет долгий и приятный разговор.

– Очень приятный, – хмыкнул Миллер. – Давайте решим, кто начнет первым...

Не успел он договорить, как они оба увидели поразившую их сцену. Олег поднял руку, явно намереваясь ударить женщину по лицу, и хотя в последний момент сдержался, тем не менее замах был таким стремительным и грозным, что Нина невольно отшатнулась. А он, сжав кулак, усилием воли опустил руку. Молодая женщина повернулась и побежала в отель. Дернула дверь, ворвалась в холл, подбежала к портье.

– Вызовите такси, – крикнула она по-английски, – и закажите мне какой-нибудь номер в пятизвездочном отеле в Валенсии!

Дронго и Миллер переглянулись. Очевидно, разрыв между Ниной и Олегом стал неизбежен.

– Извините меня, миссис Базурова, – проникновенно произнес дежурный портье, – но в такое время года у нас в отелях не бывает свободных мест. Я, конечно, постараюсь узнать, но

хочу вас предупредить, что в нашем городе только три пятизвездочных отеля. И один из них в самом центре города – отель «Мелия Валенсия Палас», номера которого забронированы для участников научного конгресса. А другой пятизвездочный отель «Монте Пикайо» находится далеко от центра города.

– Вы сказали: три, – напомнила Нина, кусая губы. Она еще не успокоилась после скандала со своим другом.

– Третий – это наш отель, – улыбнувшись, пояснил портье, – извините меня, миссис Базурова.

– Я не Базурова, – гневно перебила его Нина. – А у вас есть для меня номер? Одноместный номер до завтра?

– Мы сделаем его для вас, – любезно пообещал портье, – но, к сожалению, одноместных номеров на пятом этаже, где вы остановились со своим супругом, нет.

– Он не мой муж, – зло отрезала Нина. – Давайте ваш номер. На каком он этаже?

– На четвертом, – портье быстро изготовил ключ-карточку, введя ее в компьютер. – Пожалуйста, миссис...

– Ступникова, – гневно назвала она свою настоящую фамилию.

Нина взяла свой новый ключ и, повернувшись, пошла к лифту. Как только она отошла от регистрационной стойки, в холле появился Олег и подошел к портье.

– Где миссис Базурова? – требовательно спросил он.

Портье не стал уточнять, что женщина назвала другую фамилию.

– На четвертом этаже, сэр, – ответил он. – Она решила сменить номер.

Олег неожиданно улыбнулся и, повернувшись, тоже пошел к расположенным слева от стойки портье лифтам. Дронго и Миллер переглянулись в очередной раз.

– Все только начинается, – убежденно произнес Миллер.

– Да, – отозвался Дронго. – Им не следовало ворошить прошлое. Это всегда очень опасно.

Глава пятая

Завтракать гости отеля спускались обычно часам к девяти-десяти, хотя ресторан на первом этаже открывался в семь утра. Испанский ужин начинается достаточно поздно и заканчивается около полуночи. Во многих городах Пиренейского полуострова ночь – самое лучшее время для вечеринок, встреч и общений. Ночная прохлада позволяет забыть о дневной жаре, поэтому иногда даже кажется, что испанцы вообще никогда не спят, особенно в крупных и приморских городах. Соответственно и к завтраку гости отеля спускались поздно. Только немцы и скандинавы, нарушая эту традицию, появлялись в ресторане сразу после его открытия.

Дронго плохо спал в эту ночь – прислушивался ко всем звукам, но супруги Калимуллины, вернувшиеся в соседний пятьсот сорок шестой номер, вели себя на удивление тихо, их громких споров он почти не слышал. Зато в другом соседнем номере долго звучала громкая итальянская речь. Дронго даже хотел позвонить вниз, чтобы портье унял разбушевавшихся соседей, но во втором часу ночи итальянцы прекратили шумно обсуждать свои проблемы, прошли по коридору, отправившись в ночной бар. Судя по голосам, их было не меньше пяти или шести человек, причем женщины разговаривали еще громче, чем мужчины.

Когда шумные соседи ушли, Дронго подумал, что Миллеру повезло гораздо больше. Его поселили на третьем этаже, где в основном жили флегматичные немцы и скандинавы, на курортах предпочитающие отдыхать полноценно, а потому и отправляющиеся спать уже в двенадцатом часу ночи. Хотя это совсем не значит, что они настроены на тихий отдых. Немцы могут устроить настоящий кавардак, но только до одиннадцати вечера. Позже законопослушные бургеры стараются не шуметь и отправляются спать. Самые неугомонные продолжают веселиться в барах или ночных клубах.

Перед тем как подняться в свой номер, Дронго выяснил, что Олег Базуров живет в угловом люксе на пятом этаже. Сразу под ним в таком же люксе остановились Тигран Геворкян и Ева. В двухместном номере по соседству с Дронго находились Вадим и Елена Калимуллины, а в двухместном номере на четвертом этаже, рядом с люксом, – Аркадий и Алла Цевницкие. Таким образом, Нина, получившая новый номер на четвертом этаже, должна была оказаться рядом с Цевницкими или люксом, который снимал Тигран. Но Дронго знал, что четыреста восьмой номер, который ей дали, находится в другом коридоре. От площадки с лифтами в разные стороны расходились два коридора. Так что получилось, что все члены компании, приехавшей из Москвы, оказались в правом крыле здания, и только Нина – в левом. Столкнуться со своими знакомыми она могла лишь перед кабинами лифтов.

Утром Дронго принял душ, побрился и спустился вниз. За столиками уже сидели Аркадий и Алла, Тигран и Ева. Почему-то сегодня утром все предпочли завтракать отдельно, словно опасаясь нового сближения. Дронго увидел сидящего на веранде Фредерика Миллера, который разбивал крутое яйцо маленькой ложечкой, и прошел к нему, приветливо поздоровался. Столик Миллера стоял недалеко от того места, где сидели Аркадий и Алла. Створки двери, выходящей на веранду, были раскрыты, и он мог услышать все, о чем говорили супруги. Дронго сел за его столик.

– Принесите мне чай, – попросил он приветливую девушку-официантку.

– Как наши дела? – поинтересовался Миллер, разбив наконец яйцо.

– Все нормально. Если не считать бурной итальянской компании, которая шумела у меня за стенкой, – улыбнулся Дронго.

– Я вчера обратил на них внимание, – сообщил Миллер, – шумная компания типичных южан. Разговаривают так, словно ругаются, а когда смеются, можно подумать, что началось землетрясение. Очевидно, солнце сказывается на характерах, южане всегда более эмоци-

ональны, чем северяне. – Он взглянул на смуглого Дронго и чуть смутился: – Извините, я не хотел вас обидеть.

– Это комплимент, – рассмеялся Дронго. – В бывшей огромной стране, в которой я вырос, кавказцев всегда считали очень шумными, очень громкими и очень гостеприимными людьми. Такой стереотип вырабатывался годами. Но после развала большой страны он несколько изменился. Теперь слово «кавказец» почти синоним слову «мигрант» или слову «террорист». И если раньше к южанам относились как к большим детям, то сейчас – как к нежелательным элементам. Меняются времена, меняются нравы.

В зал ресторана вошли Вадим и Лена. Мужчина был в помятых бежевых шортах и в желтой майке. Дронго обратил внимание на недовольное выражение его лица, очевидно, супруги уже успели поругаться. Лена тоже была не в духе. Она не успела причесаться и лишь накинула на себя цветастое платье, явно узковатое ей в талии. От этого все ее движения казались скованными.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.